

Тань Юмин решил, что тот просто задумался:

— Шэнь Цзуннянь?

Шэнь Цзуннянь, строгий и хладнокровный:

— Мы уже не собираемся обгонять «Минлун»?

Тань Юмин сорвал ивовую веточку и пошел спиной вперед, полный юношеского задора, словно аристократ из древних времен:

— Одно другому не мешает. Будем обгонять по пути, развлекаясь. Иначе зачем я вообще зарабатываю деньги?

На вековую сосну у искусственной скалы запрыгнула белка. Тань Юмин выхватил камеру у Шэнь Цзунняня, чтобы её сфотографировать. Летний дворец был похож на настоящий императорский зоопарк: утки, утки-мандаринки, лебеди — одни сменяли других. И детей, приехавших на весенние экскурсии, тоже хватало с избытком.

Тань Юмин вдруг замер — кто-то потянул его за край одежды. Опустив взгляд, он увидел мальчишку ростом с метр с кепкой. Тот стоял с краю, вытягивая шею и привставая на цыпочки, но, потеряв равновесие, привалился к Тань Юмину.

— Братик, извини, мне не видно.

— Ничего, смотри, — Тань Юмин уступил ему место.

Мальчик посмотрел вперед, потом обернулся. Посмотрел на белку, потом на Тань Юмина.

Тань Юмин вскинул брови:

— В чем дело?

Дети — самые пронизательные создания. В любой толпе они безошибочно вычислят того, кто угостит их конфеткой.

— Братик, а ты можешь поднять меня, чтобы я посмотрел? — он был слишком маленьким и видел только краешек беличьего хвоста.

А дети в столице не робкого десятка! Тань Юмин рассмеялся:

— Да без проблем, — он наклонился и легко поднял мальчугана. — Ну как, видно?

— Видно! Ха-ха, какой у нее огромный хвост!

Остальные детишки тоже это заметили и начали задирать головы:

— Братик, я тоже хочу!

— И я хочу посмотреть!

Делать нечего. Тань Юмину пришлось по очереди поднимать каждого.

— Моя очередь, братик!

— Белка убегает, братик!

Шэнь Цзуннянь не любил ни белок, ни толпу. Он стоял поодаль, под плакучими ивами, и ждал. Тань Юмин обожал детей. Неизвестно, что он им говорил, но малышня заливалась смехом.

Шэнь Цзуннянь молча делал снимок за снимком.

Пока Тань Юмин не достал телефон, чтобы ответить на звонок. Он похлопал одного из мальчиков по плечу, показывая, что ему пора идти по делам.

Шэнь Цзуннянь подошел ближе и услышал, как он говорит в трубку:

— Пока не отправляйте официальное письмо. Скиньте мне партии, наличие и остатки по всем проверяемым позициям. Мне нужна максимально точная оценка объема производства и стоимости.

В ту же секунду выражение его лица изменилось. От того веселого, озорного парня, хохотавшего с детьми, не осталось и следа. Его сменило холодное, расчетливое лицо бизнесмена:

— На встречу с Торговой палатой пусть едет вице-президент Лю. Отдел маркетинга должен выяснить: это общая отраслевая корректировка или целевая рыночная проверка конкретно этой партии. Нестыковки в отраслевых стандартах мониторинга начались не вчера.

Его голос звучал ровно, в нем больше не было той мягкости, что в общении с детьми:

— И подготовьте комплексную оценку и план действий в чрезвычайных ситуациях совместно с другими отделами.

Он повесил трубку, и Шэнь Цзуннянь спросил:

— Что случилось?

— Как обычно, — пугающее выражение исчезло с лица Тань Юмина, и он, опустив голову, принялся проверять рабочую почту. — Перестановки в руководстве, новая метла по-новому метет, ассоциации делят сферы влияния.

Лес рубят — щепки летят.

— То выборочные проверки, то переаттестации.

Тань Юмин сделал еще несколько звонков, координируя работу подчиненных. Опершись на перила озера Куньмин, он спокойно слушал собеседников. Но стоило его взгляду упасть на Шэнь Цзуннянь, как он тут же улыбался.

Шэнь Цзуннянь притянул его поближе к себе, чтобы случайные туристы не толкнули.

Когда Тань Юмин закончил, Шэнь Цзуннянь спросил:

— Нужно возвращаться, чтобы разобраться, или продолжим гулять?

— Конечно, продолжим, — Тань Юмин ответил на последнее сообщение и поднял голову. — Я еще не нагулялся.

— Хорошо, — Шэнь Цзуннянь спросил мимоходом: — С ассоциацией можно договориться?

— Конечно.

Шэнь Цзуннянь успокоился, но всё же решил дать совет:

— После того как «Цзяньсинь» пройдет оценку, проверок и мониторинга станет только больше. В будущем будь внимательнее. Если понадобятся данные за прошлые годы — попроси Чжун Маньцин, она всё найдет.

— Знаю, — со смехом отмахнулся Тань Юмин. — Чего ты такой зануда!

Шэнь Цзуннянь поджал губы, но спорить не стал.

Они неспешно пошли обратно от беседки в центре озера.

Объектив Hasselblad отлично улавливал свет, и снимать им на закате было одно удовольствие. Красные стены, каменные львы, золотая черепица, украшенная белыми цветами абрикоса. Шэнь Цзуннянь сделал пятьсот сорок восемь кадров, и почти на каждом Тань Юмин дурачился и строил рожи.

— А так нормально? Хвост влез в кадр?

Даже коты в императорском дворце вели себя как важные господа. Шэнь Цзуннянь сидел на корточках, терпеливо настраивая фокус, и лишь слегка хмурился:

— Не дергайся.

Тань Юмин замер, изо всех сил стараясь не шевелиться, боясь, что Шэнь Цзуннянь упустит его самый удачный ракурс. Он и не догадывался, что самым точным объективом были глаза Шэнь Цзунняня, которые жадно ловили и сохраняли каждый миг, который больше никогда не повторится.

Расплавленное золото заката, красные стены древнего города. Их взгляды встретились сквозь толпу туристов со всех концов света. Кот мяукнул, Тань Юмин расплылся в широкой улыбке, глядя на Шэнь Цзунняня. Весенний ветер с шумом пронесся мимо и постепенно стих.

Тань Юмин фотографировался с котами, с птицами, не обошел стороной даже белок.

Шэнь Цзуннянь слегка опустил камеру и сделал замечание:

— Воротник.

Тань Юмин попытался поправить его наугад, но Шэнь Цзуннянь не выдержал. Он подошел и сам аккуратно расправил воротник.

Его лицо было серьезным и сосредоточенным. Вдруг Тань Юмин перехватил его руку:

— У нас до сих пор нет ни одной совместной фотографии.

Рука Шэнь Цзунняня замерла. Привязанный к дереву самоед неподалеку всё еще сидел с высунутым языком, дожидаясь своей очереди.

— Разве ты не хотел сфотографироваться с собакой?

— Я хочу с тобой.

Это прозвучало как ругательство, и Шэнь Цзуннянь тактично отказался:

— У нас нет штатива.

— Делов-то, — Тань Юмин тут же нашел выход и обратился к случайной туристке: — Извините, не могли бы вы нас сфотографировать?

Девушка подняла глаза, на секунду растерялась, но потом с улыбкой согласилась:

— Конечно.

Взяв тяжелую камеру, она поинтересовалась:

— Вы знаменитости? Блогеры? Модели?

Тань Юмин ответил:

— Мы туристы.

Девушка кивнула и, глядя в видеоискатель, начала командовать:

— Ого, крутой парень, ты слишком серьезный. Стоишь у дворцовых ворот, как грозный стражник Цзиньвэй.

— Красавчик, положи ему руку на плечо.

Тань Юмин крепко обнял Шэнь Цзунняня за плечи.

Щелчки затвора сливались со стуком их сердец. Птицы на дворцовых стенах то взлетали, шумно хлопая крыльями, то садились вновь.

— Я сделала много кадров. Посмотрите, есть ли удачные. Если нет — переснимем.

Тань Юмин пролистал фотографии и невольно улыбнулся:

— Просто фантастика.

Шэнь Цзуннянь в своем длинном черном пальто, со скрещенными на груди руками, выглядел невероятно красивым и острым, словно снег на вершине горы.

— Спасибо, отличные фото.

Девушка отмахнулась:

— Да ладно. С такими-то лицами надо постараться, чтобы получилось плохо.

Вечером они пошли ужинать в ресторан кухни Хуайян. Пока Тань Юмин делал заказ, Шэнь Цзуннянь достал из кармана пальто телефон и протянул ему:

— Ответь.

— Фелипе? — напрягся Тань Юмин. — Он что, решил отказаться от сделки?

— ...Просто ответь.

Тань Юмин выслушал несколько фраз, внезапно рассмеялся, повесил трубку и сказал Шэнь Цзунняню:

— Спрашивал, когда мы уезжаем и не хотим ли покататься на лыжах.

Они познакомились в зимнем студенческом клубе при довольно забавных обстоятельствах, и вот, спустя столько лет, всё еще общались.

Шэнь Цзуннянь повесил его пальто:

— Хочешь поехать?

Тань Юмин закатал рукава:

— У тебя же еще работа?

Шэнь Цзуннянь задумался о чем-то своем и ответил:

— Если хочешь — можем поехать.

Тань Юмин с удивлением посмотрел на него. Слишком уж он был покладистым. Совсем не похоже на Шэнь Цзунняня.

То, что не удалось сделать в Альпах, они наверстали в столице. Погода стояла прекрасная: заснеженные горы заливало весеннее солнце.

Шэнь Цзуннянь помог Тань Юмину надеть горнолыжные очки и пристегнуть сноуборд. Тот устроил несколько заездов с Фелипе и проиграл со счетом 1:3. Задыхаясь, Тань Юмин потребовал, чтобы Шэнь Цзуннянь отомстил за него. Фелипе возмутился со своим британским акцентом:

— Ты и на зимних соревнованиях так делал! Чуть что — сразу звал Няна на помощь!

Тань Юмин хитро улыбнулся:

— И что с того?

Фелипе до сих пор помнил финальный заезд. Шэнь Цзуннянь, вырвав победу с огромным трудом, сорвал флаг на вершине, сделал резкий разворот, на огромной скорости подлетел к Тань Юмину и вручил трофей ему.

Альпы, казалось, склонились перед Шэнь Цзуннянем. А улыбка Тань Юмина сияла ярче солнца на заснеженных вершинах. Он крепко обнял его и радостно размахивал флагом победителя.

Это было первое и последнее соревнование Шэнь Цзунняня. Количество зрителей побило все рекорды за всю историю межвузовских состязаний. Число новых участников клуба тоже взлетело до небес, сравнявшись с тем годом, когда капитаном команды был Чжао Шэнгэ.

Но вскоре все поняли, что Шэнь Цзуннянь вообще не ходит на тренировки, а потом он и вовсе перестал появляться в университете.

Hasselblad висел на груди у Шэнь Цзунняня.

— Шэнь Цзуннянь,ними вот так!

— И вот так!

— А теперь так!

Он с невероятным пижонством выдал 180-градусный разворот с косым спуском на канте.

— Следи за ракурсом!

— ...Угу.

На лице Шэнь Цзунняня не было особого энтузиазма, но он послушно переводил объектив, следуя его указаниям.

— Снял?

Шэнь Цзуннянь показал ему экран.

— Твою ж мать, какой я красавчик.

«...»

Тань Юмин вошел во вкус:

— Сними еще пару кадров.

— Снимай снизу вверх, так ноги длиннее кажутся.

Шэнь Цзуннянь присел.

— А теперь нужен ракурс сверху. Когда будешь монтировать видео, не забудь наложить спецэффекты.

Шэнь Цзуннянь встал и поднял камеру повыше.

Тань Юмин взмахнул рукой, раздавая указания, словно полководец:

— Когда я буду проходить S-образный поворот, ты ездай задом наперед иними меня крупным планом анфас. Как будто я лечу прямо на тебя, а ты распахиваешь объятия, чтобы меня поймать.

— ...Угу.

Тань Юмин задумался:

— Как думаешь, круче смотрится, когда я делаю вращение, или когда дрифтую?

Шэнь Цзуннянь окинул его взглядом и ответил коротко:

— Одинаково.

— Согласен, — вздохнул Тань Юмин с притворным огорчением. — Мне трудно выглядеть не круто.

«...»

Тань Юмин ковырялся в телефоне, бессознательно переминаясь с ноги на ногу.

Шэнь Цзуннянь опустил на корточки, проверил крепления его сноуборда и затянул их потуже.

Тань Юмин потянул его за руку, заставляя встать:

— Давай переснимем вот этот момент. И в конце нужен крупный план для эффектного финала. Понял?

Это ведь Шэнь Цзуннянь лично учил Тань Юмина кататься на сноуборде. Стоило тому лишь приподнять ногу, как он уже знал, какое движение тот собирается выполнить.

— Угу.

— Дай посмотреть.

Тань Юмин остался в полном восторге. Он принялся раздавать новые указания:

— Шэнь Цзуннянь, вот это, это, это и вот это отправь по отдельности моей тете, дяде, третьему дяде, двоюродной бабушке и четверым младшим сестренкам. А потом скинь всё это в общий семейный чат и в чат нашего клана.

«...»

Тань Юмин добавил:

— Только не с моего аккаунта отправляй, а со своего. А то будет выглядеть так, будто я напрашиваюсь на комплименты.

Шэнь Цзуннянь еле сдержался, чтобы не назвать его психом.

Оранжево-красное солнце медленно садилось за заснеженные вершины, окрашивая склон в сине-фиолетовые тона. У подножия горы зажглись теплые желтые огни. Тань Юмин устал выдавать по восемьсот крутых трюков в минуту, плюхнулся на снег и заявил:

— Всё, я пас. Сил больше нет. Понесешь меня на спине.

Шэнь Цзуннянь посмотрел на него сверху вниз. Не успел он и слова сказать, как Тань Юмин сам поднялся и забрался к нему на спину.

Привычно и крепко обхватив Шэнь Цзунняня за шею, он скомандовал:

— Давай побыстрее.

Шэнь Цзуннянь сегодня был на удивление покладист. Он подбросил его на спине повыше и тихо велел:

— Держись крепче.

В следующую секунду они уже мчались вниз по склону.

Ветер со снегом били Тань Юмину в лицо. Он радостно кричал:

— Быстрее! Еще быстрее!

Шэнь Цзуннянь, получив команду, ускорился, пронося его сквозь горные хребты и снежную пелену. Тань Юмин вдруг почувствовал себя шестнадцатилетним мальчишкой в Фельберке.

Шэнь Цзуннянь был его диким боевым конем, его прирученным храбрым орлом, который уносил его в бескрайнее небо, в далекие, угасающие сумерки.

Они перелетели через небольшой холм, ветер поднял в воздух облако снега. Тань Юмин быстро спрятал лицо на затылке Шэнь Цзунняня. Его нос, губы и ресницы прижались к позвонкам Шэнь Цзунняня, отчего тот на мгновение замер.

Ветер завывал так сильно, что Тань Юмину пришлось прижаться губами прямо к уху Шэнь Цзунняня и закричать:

— Нет, это слишком быстро!

Ветер свистел в ушах. Тань Юмин тяжело дышал.

— Помедленнее!

Но Шэнь Цзуннянь не мог замедлиться. Он не мог нажать на тормоза. Ему хотелось лишь забрать его с собой и умчаться на самый край света, даже если бы это означало разбиться вдребезги.

Несколько резких поворотов, полет на бреющем полете, и они оказались у подножия горы. Тань Юмин спрыгнул с его спины. Сердце бешено колотилось, грудь тяжело вздымалась. Он заливисто хохотал и, перекивая воюющий ветер, спросил:

— Шэнь Цзуннянь, знаешь, почему я тогда спас Ириску?

Травмированных скаковых лошадей было много. Были и те, кто пострадал гораздо серьезнее и чья участь была куда печальнее. Но Тань Юмин спас именно её.

— Почему?

Шэнь Цзуннянь не стал снимать очки. Из-за них его прямой нос казался похожим на горный хребет, а тонкие губы выглядели холодно и отстраненно.

Тань Юмин посмотрел на него и расхохотался от души, думая: «Именно поэтому».

Потому что, когда эта лошадь мчалась вперед, она была такой же дерзкой, дикой и необузданной, как ты. А в самом начале в ней чувствовалась даже какая-то волчья свирепость. Особенно в те первые годы после вашего возвращения из Фельберка.

Ради победы ты не гнушался никакими методами.

Стремление победить, отвоевать, захватить. Даже если придется покрыться ранами, даже если придется уничтожить и себя, и врага — главное, чтобы победа была за тобой.

Но вслух Тань Юмин ничего этого не сказал. Он лишь блеснул клычками и беспечно ответил:

— Да потому что красивая.

Шэнь Цзуннянь даже не удостоил его ответом. Он наклонился, отстегнул сноуборд и, зажав его под мышкой, направился к фуникулеру.

Тань Юмин запросил еще один спуск.

Шэнь Цзуннянь холодно отрезал:

— Хватит с тебя.

Тань Юмин бросился за ним вдогонку, повис на спине и заканючил:

— Ну давай еще разок! Последний!

Вечером они угощали Фелипе ужином в ресторане традиционной правительственной кухни Гуаньфу. В перерыве между блюдами и вином Тань Юмин, по обыкновению, провел инспекцию своих соцсетей. Почти все родственники выразили искреннее восхищение и дали высокую оценку его грациозности на заснеженных склонах. В чате друзей все, кроме Чжао Шэнгэ, тоже высказали белую зависть, причем искреннее и естественнее всех радовался Чэнь Вань.

Удовлетворенный произведенным эффектом, Тань Юмин вернул телефон Шэнь Цзунняню.

Шэнь Цзуннянь заметил непрочитанное сообщение от Гуань Кэчжи и напомнил:

— Ты не ответил.

Гуань Кэчжи спрашивала: «Когда мои красавчики возвращаются?»

Тань Юмин тут же ей перезвонил:

— Не волнуйся, скоро будем. Мы тут даже подарок к банкету приготовили.

Пару дней назад он заказал в антикварной лавке резную нефритовую ширму «Взаимная любовь».

Гуань Кэчжи попросила:

— Дай трубку Нянь-цзаю.

— Держи, — Тань Юмин передал телефон. — Давай, поговори с ней.

Неизвестно, что говорила Гуань Кэчжи, но Шэнь Цзуннянь отвечал тихо и очень лаконично:

— Угу.

— Хорошо.

— Всё в порядке.

— До свидания.

Они провели в столице еще один день, гуляя по парку Шичахай и храму Юнхэгун. До панд они так и не добрались. Завтра утром им предстоял рейс в Гонконг. По дороге в отель Тань Юмин вдруг заявил, что хочет еще раз поесть супа из бараньих потрошков.

В соседнем с их Хунье хутуне — Юйпин — на углу стояла уличная забегаловка, работавшая до глубокой ночи. Суп там был аутентичнее, чем в любом ресторане.

— Такой холод, хочется чего-нибудь горяченького, — Тань Юмин еще даже не уехал, а уже начал ностальгировать. — Вернемся — такого уже не поешь.

Шэнь Цзунняню ничего не оставалось. В хутуне было темно и тихо. Лишь каждые несколько метров висел фонарик в форме цветка, отбрасывая теплый оранжевый свет на две тесно прижавшиеся друг к другу фигуры. Шэнь Цзуннянь натянул шапку Тань Юмина пониже, а Тань Юмин просто сунул руки к нему в карманы.

Оказалось, что к забегаловке выстроилась длинная очередь. Пронизывающий сквозняк в переулке продувал Тань Юмина насквозь.

— Пошли отсюда.

Тепличный южный цветок не выдержал сурового северного весеннего ветра. Если бы они остались стоять в очереди, Тань Юмин точно превратился бы в сосульку.

В темном хутуне было глубоко и мрачно. Шэнь Цзуннянь сначала отвел Тань Юмина обратно в тот просторный сыхэюань. Убедившись, что тот ушел в душ, он снова вышел за ворота.

Пройдя около семисот метров, он обнаружил, что очередь стала чуть меньше. В тусклом желтом свете весенний пекинский ветер в марте или апреле был по-прежнему ледяным. Шэнь Цзуннянь, вышедший без шарфа и перчаток, тихо и терпеливо стоял в очереди за миской горячего супа.

В переулке снова завыл ветер, срывая с веток свежие цветы яблони. Шэнь Цзуннянь застегнул куртку до самого подбородка.

Высокий, весь в черном, с накинутым на голову капюшоном, он был совсем не похож на человека, пришедшего за супом. Скорее, на грабителя, вышедшего на ночной промысел. Если кто-то бросал на него косой взгляд, он просто смотрел в ответ, и люди в страхе отворачивались.

Увы, удача была не на его стороне: суп закончился прямо перед ним. Шэнь Цзуннянь нахмурился. Он не то чтобы разозлился, просто сразу вспомнил, как Тань Юмин надувает губы, когда расстроен.

Он посмотрел на пару, которая купила последнюю порцию, собираясь предложить им перепродать её в десять раз дороже. Но парень уже открыл контейнер и с ложечки кормил свою девушку. Две прижавшиеся друг к другу фигурки на пронизывающем весеннем ветру излучали такое трогательное, уютное тепло.

Шэнь Цзуннянь смотрел на них несколько долгих секунд. Впервые в жизни он осознал, что бывают ситуации, когда деньги бессильны.

Очередь разошлась, а Шэнь Цзуннянь всё стоял.

Жители столицы славятся своим дружелюбием. Хозяин заговорил с ним первым:

— Турист, красавчик?

— Угу.

— Ты же в хутуне Хунье остановился, да?

— Да.

— Брату младшему за перекусом вышел?

Хозяин всё видел: уже несколько дней подряд один парень выходил рано утром за завтраком,

потом они вместе уходили, вечером возвращались вдвоем. Еду, напитки, шапки, шарфы — всё тащил старший, а младший только зубы скалил да веселился.

— Угу.

— Сильно ты брата любишь.

— Обычное дело, — Шэнь Цзуннянь не считал это чем-то особенным, да и не любил болтать попусту. Он спросил прямо: — Во сколько завтра открываетесь?

— В одиннадцать утра.

— ...Ясно.

Хозяин начал собирать котлы и бросил:

— Приходи завтра. Будешь минут за десять до открытия — получишь порцию из первой партии.

Шэнь Цзуннянь покачал головой:

— Завтра мы уезжаем.

Ветер усилился. Хозяин бросил взгляд на покрасневшие от холода костяшки его пальцев и сказал:

— Ну, тогда помоги-ка мне погрузить печку на тележку. Я вообще-то оставил немного супа для своего ребенка, но так и быть, поделюсь с тобой.

Шэнь Цзуннянь поблагодарил его, закатал рукава, помог затушить печку и надежно закрепить ее на тележке. Он действовал так четко и ловко, что хозяин, оценив его дорогую одежду и часы, с удивлением протянул:

— А ты парень не промах.

Не любитель пустой болтовни, Шэнь Цзуннянь расплатился и, взяв миску с горячим супом, поспешил обратно.

От автора:

Поездка перед расставанием (нет).

<http://bllate.org/book/17117/1607497>